

Се Рухэн увидел, как рука Тан Бая, сжимающая диван, внезапно напряглась, как будто он что-то сдерживал.

Мягкие руки дрожали, поддерживая верхнюю половину его тела, но не настолько сильно, чтобы он не мог даже выпрямить спину, а под легкой рубашкой смутно виднелись изгибы подвижных лопаток на спине.

На мгновение Се Рухэну захотелось сильно потереть эту кожу, несмотря ни на что.

Кончики его пальцев прижались к покрасневшим железам, грубость его пальцев на мгновение сдержалась и ушла при первом же прикосновении.

"Все в порядке?" В этот момент холодный голос стал низким и темным, и от их близости дыхание, которое выдохнул Се Рухэн, когда говорил, пронеслось по его шее.

Только чтобы увидеть, как Тан Бай, который первоначально сидел, внезапно обмяк, и его тело упало в объятия Се Рухэна.

Неизвестно, было ли это из-за румян, которыми он пользовался, или из-за цвета персиковых цветов, который он была вынужден носить, но все его лицо было бело-красным.

Под дрожащими ресницами были водянисто-красные глаза, Се Рухэн чувствовал, как вены на лбу лопаются.

Черт возьми, это тот самый желтый чай, который дразнит людей до смерти!

Мозг, который уже готов был превратиться в кашу, внезапно и цепко сделал заметки о желтом чае!

Тан Бай прижался к Се Рухэну, набрался сил и надменно выпрямился, возмущаясь: "Что происходит?!"

Как он может сниматься в клипе красоты с таким дерьмовым телосложением?

Тан Бай повернул голову и увидел лицо Се Рухэна, которое тоже было красным от волнения, и сказал потрясенным голосом: "Се, не волнуйся! Пойду приму супрессант! Я не верю!"

"Я не верю!" Сказав это, Тан Бай отправился в ванную, чтобы принять подавляющее средство, оставив позади Се Рухэна, который все еще притворялся спокойным, хотя и держал себя в руках.

Всплывающие окна, наблюдающие за всем этим: "Что???".

Я не знаю, что вы делаете, ребята! Но Бог Се, ты даже не можешь, блядь, сдержаться!

Ингибитор не только подавлял тепло, но и снижал чувствительность некоторых частей тела, и действительно, когда Тан Бай вернулся после боя, он чувствовал только некоторый зуд при прикосновении Се Рухэна, зуд, который был в пределах допустимого.

Например, в этот момент Се Рухэн нанес на палец каплю масла для расширения воска кожи, потер воск кожи, чтобы он стал немного мягче, сжал форму и надавил на железу, незаметное стягивание этого тела можно было обнаружить, если не обращать на него пристального внимания.

Это заставило Се Рухэна почувствовать себя немного расстроенным.

Люди иногда бывают существами, которые умеют дорожить только после того, как потеряли.

Но во всем есть свои плюсы и минусы. Тан Бай почти прыгал на ниточке здравого смысла Се Рухэна, сладкое время, которое было слишком мучительным.

И после волнения, вызванного тем, что он просто жив и здоров, Се Рухэн стал взрослым! Теперь он может контролировать свое желание пометить Тан Бая!

Тан Бай не знал, как его действия отточили железную волю Се Рухэна, он просматривал всплывающие окна, которые взорвались: [Учитель Тан просто демонстрировал себя]

[Первое, что вам нужно сделать, - это хорошо понять, что вы делаете]

[Аааааааааааа, как омега, мое сердце колотится, я научился этому трюку! В следующий раз я попрошу своего парня сделать это для меня!]

[Мне очень нравится господин Тан, но я думаю, что немного неуместно позволять альфе трогать гланды (они действительно совсем зеленые)].

[Почему Бог Се взял воск для кожи?]

"Я попросила Се сделать мне сегодня макияж, имитирующий шрам на железе". Глядя на вопросительные знаки, набранные всплывающими окнами, Тан Бай тихо сказал: "Всем интересно, что такое макияж, имитирующий железистый рубец, и зачем мне нужно рисовать этот макияж?".

"Прежде чем ответить на эти вопросы, я хочу сначала задать вопрос всем вам: что вы думаете о процедуре удаления желез?"

[Ах, только омеги в квартале красных фонарей делают такие операции, возможно ли, что г-н Тан носит этот макияж, чтобы подражать омегам в квартале красных фонарей?]

[Только нескромные омеги делают такие операции].

[Я слышала, как люди говорили, что омеги, сделавшие такую операцию, очень распутные]

[Урон, наносимый организму, довольно велик, и омеги, подвергшиеся этой операции, быстро стареют]

Тан Бай спокойно наблюдал за всплывающими комментариями, и когда все сказали примерно одно и то же, он сказал: "До сегодняшнего дня я был такого же мнения, как и все присутствующие здесь, и я также думал, что только люди из квартала красных фонарей делают операцию по удалению желез".

"Первый раз, когда я искал информацию об операции по удалению желез, это было связано с книгой, в которой главного героя звали Чжун Тундуань".

[Черт! Мир тесен, я гоняюсь за той же книгой, что и Шугар!]

Вот что значит "О-кулак", Чжун Тундуань?

[Симпатичные омеги не читают подобный мусор, искажающий мнение троих, автору платят за написание подобных статей и книг, отравляющих умы омег].

Что это? Кто-нибудь может сказать мне название этой книги?

"Чжун Тундуань тоже удалил свои железы, но не для того, чтобы работать в квартале красных фонарей, а чтобы замаскироваться под бету, чтобы учиться в Военной академии Федерации".

[??? Это возмутительно? Что омега делает в военном училище? Ищет с кем потрахаться?]

[Ни в коем случае, я просто зашел посмотреть видео о красоте и не хотел, чтобы вы навязывали мне эту безмозглую статью в интернете].

Тон Тан Бая не изменился из-за всплывающих окон, и он медленно сказал: "Это очень болезненное решение, каждый может представить себе, каково это, когда у нас отнимают органы, обычно мы вынуждены причинять вред своему телу только тогда, когда повреждения,

возникающие в нашем теле, требуют такой операции."

"Чжун Тундуань в книге сделал эту операцию, потому что он хотел поступить в военное училище и хотел получить такое же право учиться в школе, как и альфа. А в реальности? Для чего в действительности подавляющее большинство омег, которые делают операцию по удалению железы, делают это?"

"Они там работают в квартале красных фонарей? Хотят ли они перенести оскорбление, нанесенное названием "свингеры"? Хотят ли они, чтобы их тела старели быстрее, чем у их сверстников?". Три вопроса были сказаны один за другим, и Тан Бай сам дал на них ответ.

"Нет".

"В трущобах 60-70% омег удалили свои железы, они сделали это, чтобы получить работу, которая едва обеспечит их семьи, чтобы работать в шахтах, работать по двенадцать часов в день на ветру и солнце, перегружать свое тело, чтобы заработать двадцать звездных монет в день".

Всплывающий экран внезапно замолчал.

Только чтобы услышать, как симпатичный омега на прямой трансляции прошептал: "Они сделали эту операцию не потому, что их тела стали больными, а потому, что это общество стало больным".

Тан Бай щелкнул по отснятым сегодня кадрам, и на видео было видно, как он и Се Рухэн отправляют Лу Сяошаня домой.

Это был деревянный дом, расположенный на холме, с проломленной крышей, которая протекала во время дождя, в комнате не было никаких электроприборов и, естественно, электрического освещения.

На кровати на боку лежал истощенный омега, выглядевший лет на сорок-пятьдесят, с одутловатым лицом и синими губами, одеяло на кровати было немного влажным, а рядом с подушкой стояла миска с неизвестным содержимым, окруженная мухами.

Увидев гостя, омега сел с помощью своего ребенка, который достал единственную в доме пачку сухого чая с молоком и попытался развлечь гостя.

"Этому омеге тридцать лет, и не так давно ему удалили железы, чтобы он мог пойти работать в шахты, чтобы заработать на школу для своих детей, но из-за плохих условий проведения операции он заболел воспалением после операции".

"Рабочий всей их семьи - ее муж, и для того, чтобы заработать деньги на лекарства для своей

жены и оплатить обучение своих детей, этот муж вынужден работать в шахтах не менее 14 часов в день, и при высокой интенсивности его работы здоровье этого мужа вызывает опасения".

В эфир выходили видеозапись за видеозаписью посещений домов, ужасные условия жизни, дети, которые знали так много, что это было душераздирающе.

<http://bllate.org/book/15734/1408493>